

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ КНЯЗЯ ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рогожникова Татьяна Павловна

доктор филологических наук, Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)
pmtr@mail.ru

Попова Оксана Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент, Омская
гуманитарная академия (г. Омск)
nauka@omga.su

CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF THE IMAGE OF THE PRINCE IN THE WRITTEN MONUMENTS OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

**T. Rogozhnikova
O. Popova**

Summary: The purpose of this article is to reconstruct the image of an ideal monarch in the linguistic consciousness of a native Ancient Russian speaker of the XI–XIII centuries. The selected texts of the Old Russian literature of this period are used as the material for the study. The following key characteristics of the studied image are highlighted: *honest and glorious, kind, merciful, brave, generous*. In earlier texts, love for the squad is noted as an important feature of the prince, in later texts – «fear of God», following the commandments, diligence and mercy. The latter is due to the widespread and cultural rooting of Christianity in Russia. The diachronic section traces the evolution of the image of the ideal monarch from a commander to a sacred figure, compared with the father and the mother, equated with revered biblical kings and Christian saints.

Keywords: the concept of power, ancient Russian literature, the image of the prince, the concept in diachronic consideration.

Аннотация: Целью статьи является реконструкция языкового образа идеального правителя в памятниках древнерусского языка и литературы XI–XIII веков. В качестве материала для исследования используются наиболее авторитетные тексты древнерусской литературы данного периода. В результате анализа определены ключевые характеристики моделируемого образа, выраженные лексемами *честень и славень, добрь, милостивъ, храборъ, щедръ*. В качестве концептуальной доминанты образа-концепта «князь» в более ранних текстах выявлен признак «любовь к дружине», в более поздних – «страх божий», «следование заповедям», «трудолюбие» и «милосердие». При этом «милосердие» обусловлено широким распространением и культурным укоренением на Руси христианства. В диахроническом срезе прослеживается эволюция образа идеального правителя от полководца до сакральной фигуры, сопоставляемой с отцом и матерью, приравняваемой к почитаемым библейским царям и христианским святым.

Ключевые слова: концептуализация власти, концепт в диахроническом рассмотрении, древнерусская литература, языковой образ князя.

Вопрос о том, какими чертами должен обладать идеальный представитель власти, волновал древнерусских книжников начиная с XI века. Исследования памятников «Повесть временных лет», «Моление Даниила Заточника» и других произведений древнерусской литературы позволяют выявить ряд концептуальных признаков исторически исходной государственной власти – княжеской – и сформировать представление о том, какими чертами должен обладать князь.

Следует подчеркнуть, что в основе формирования образа князя в древнерусской письменности лежит литературный прием антитезы, что позволяет на противопоставлении сравниваемых образов, как правило «справедливого» и «несправедливого» князя, выделить наиболее важные черты идеального носителя власти. Важно отметить, что значительное влияние на средневековые представления об образе идеального правителя оказала христианская религия; отчасти это можно объяснить тем, что авторами большинства древнерусских произведений были священнослужители.

Как отмечает В.В. Колесов, при заимствовании культурных ценностей византийско-христианского мира и при-

нятии христианства Русью произошла «ментализация» символов новой веры, что, в свою очередь, потребовало расширения значений славянского слова [1, с. 209]. Именно поэтому на первый план при концептуализации власти книжниками выходят христианские добродетели, являющиеся маркерами «справедливого», «праведного» князя.

Методология нашего исследования определяется его принадлежностью к лингвоантропологическому направлению современного языкознания. Основной научной парадигмой исследования является историческая концептология. Ключевые характеристики образа идеального правителя, как и правителя-антипода, выделены с помощью концептуального анализа. Формы содержательной реконструкции концепта в диахронической концептологии предстают как выявление:

- архаических и переносных значений слова, парадигматических соотношений с антонимами, синонимами;
- связи с системными соответствиями близкородственных слов;
- сочетаемости слов в определенных узких контекстах (словесных формулах), т. е. на основе синтагматических отношений.

В качестве вспомогательных нами были использованы сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод лингвистического анализа. Результатом указанных исследовательских процедур является модель образа-концепта «князь» как смысловой конструкт, представленный в типизированном виде. В ходе анализа описывается экстралингвистический фон древнерусской княжеской власти и специфических черт князя как ее субъекта (историко-культурные, исторические, религиозные процессы и явления).

Исследование осуществлено с опорой на теоретические и методологические положения, принципиальные для него, и выполнено на стыке лингвокультурологии, когнитивистики и сравнительно-исторической лингвистики. Теоретической основой для исследования послужили труды по концептологии и лингвокультурологии Д.С. Лихачева [2], Ю.С. Степанова [3], В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина [4], И.А. Стернина [5], А. Вежбицкой [6]. Из круга определений понятия «концепт» как многомерной единицы языковой картины мира базовым для настоящей работы явилось определение Ю.С. Степанова, включающее диахронический подход: концепт видится исследователю как многослойная структура, каждый «слой» которой актуализирует набор признаков, релевантных для конкретной временной точки, и деактуализирует признаки нерелевантные.

В качестве источников эмпирического материала для работы привлечены тексты «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха и «Моления Даниила Заточника», изданные в антологии «Памятники литературы Древней Руси» под редакцией Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева [7, 8].

В качестве лексикографических источников семантики ключевых лексем, репрезентирующих представления об идеальном правителе, привлечены этимологический словарь М. Фасмера [9], словари древнерусского языка под редакцией Р.И. Аванесова [10, 11], И.С. Улуханова [12], С.Г. Бархударова [13], а также «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [14], в качестве источника справочных исторических материалов – исследования М.П. Погодина [15].

Анализ «Повести временных лет» показывает, что пределы влияния князя ограничивались исключительно родовыми отношениями. Власть князей характеризуется четкими границами и тесной связью с родом: «*Кий княжаше в родѣ своемъ <...> облюбовал место, и сруби градокъ малъ, и хотяше състи с родомъ своимъ, да не дали ему живущие окрестъ*» [7, с. 28] (здесь и далее выделение языковых единиц принадлежит автору статьи). Эти сведения позволяют утверждать, что на начальном этапе

своего становления княжеская власть была неотделима от родовых отношений и, следовательно, распространялась на представителей рода: в тексте четко говорится о том, что князь «*владел*» исключительно своим родом, который проживал на своей территории. Из этого вытекает важность местного ограничения власти, ибо территории были невелики, что эксплицировано уменьшительным суффиксом и определением: «...*облюбовал место, и сруби градокъ малъ...*» [там же] – в данном случае речь идет об основании небольшого городка. В словаре древнерусского языка XI–XIV веков указано значение слова *градокъ* – «крепостная стена, оборонительное сооружение, укрепленный пункт» [10, с. 378]. На данных примерах можно убедиться, что основной функцией князя была охрана границ своего рода.

«Повесть временных лет» – одно из первых произведений древнерусской литературы, в котором обращается внимание на личностные качества русских князей; как правило, в тексте они представлены качественными прилагательными *честень* и *славень*, *добрь*, *милостивъ*, *храборъ*: «*Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни пия, ни ѣденья браняше. Посем же перья власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьстѣй земли*» [7, с. 164]. Указанные выше прилагательные являются одними из наиболее часто встречающихся способов выражения княжеских черт при описании князей не только в «Повести временных лет». Как можно заметить, важной чертой князя является *любовь к дружине*, которой князь ни в чем не отказывал.

Согласно словарю И.И. Срезневского, слово *самовластецъ* имело значение «*единовластитель*» [14, т. 3, с. 248]. В словаре русского языка X–XVII вв. лексема *самовластецъ* синонимична лексеме *властенинъ*, которая представлена следующими значениями: «*хозяин*», «*господин*», «*верховный правитель*», «*местное главное должностное лицо*», «*предводитель*», «*воевода*» [13, вып. 2, с. 216]. Объединяет данные значения общая семантика «*имеющий свободу в принятии решения*». Таким образом, Ярослав унаследовал власть и свободу в управлении русской землей.

Следует отметить, что при формировании княжеского образа Святополк в «Повести временных лет» предстает своего рода **собирательным образом** всех антагонистов, концентрацией всех возможных отрицательных черт, которые могут быть присущи князю. На наш взгляд, интересным представляется тот факт, что особое внимание в повести уделяется происхождению князя, поскольку именно в происхождении и заложена порочность Святополка: «*Володимиръ же залѣже жену братьню грѣкиню, и бѣ непраздна, от нея же роди Святополк. От грѣховнаго бо корене злый плодъ бываетъ:*

понеже была бѣ мати его черницею, а второе – Володимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчищъ бысть убо. Тѣмъже и **отецъ его не любяше**, бѣ бо от двою отцю – от Ярополка и от Володимира». [7, с. 92]. В этом фрагменте образ князя строится на обращении к христианской вере, позволяющей переосмыслить понятия первородного греха и рожденного во грехе. Усиление признака «грех» объясняется еще и тем, что мать Святополка была монахиней, а Владимир жил с ней не в браке, а как «прелюбодей», более того, резюмируется, что Святополк – ребенок, рожденный от двух отцов: Ярополка и Владимира, – что еще больше объясняет нелюбовь Владимира к Святополку. Одними из самых распространенных эпитетов, характеризующих Святополка в ПВЛ, являются *окаянный и злой*, реже используется существительное с отрицательной коннотацией *безумец*. Согласно «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)» *окаянный* имеет следующие значения: 'несчастный', 'злополучный', 'грешный' и 'проклятый' [12]. Таким образом, данное определение усиливает признаки «грех» и «проклятие» в содержании языкового образа князя Святополка, в летописном описании эти признаки имеют генетический характер.

Важно также отметить, что в «Повести временных лет» впервые Святополк сравнивается с Авимелехом: «... новы **Авимелех** <...> **тако и съ бысть**». Авимелех – библейский персонаж, незаконнорожденный сын Гедеона, после смерти отца убивший 70 своих братьев [16]. Если в «Повести временных лет» сравнение князей с библейскими образами носит единичный характер, то в древнерусской литературе XII века в целом качества светского характера: мужество, храбрость, доброта – теряют свою первостепенность и чаще встречается идеальный образ древнерусского христианского правителя, подкрепляемый сентенциями из Священного Писания, как, например, в «Поучении Владимира Мономаха», «Молении Даниила Заточника». Следует обратить особое внимание на то, что христианство пришло в русские земли не только как религия, но и как мировоззрение, во всем объеме его содержания, охватывающем самые разные аспекты жизни. Это обстоятельство определило прежде всего отношение церковного сознания к государственной власти, которое до сих пор остается не до конца понятным. Можно предположить, что при формировании образа князя летописцы основывались не столько на реальных образах, сколько на том, что представлялось правильным с точки зрения существовавших норм летописания, характеризующих тот или иной период.

Также следует отметить, что, согласно исследуемым источникам, как «праведные», так и «лукавые» князья даются Богом – на наш взгляд, здесь можно увидеть основу будущего подхода к самодержавию, где царь предстает наместником Бога на земле. Конечно, применительно к «Повести временных лет» можно говорить лишь о зачатках будущей теории: «Аще бо **князи правдивы** бывают

на земли, то много отдаются согрѣшения, аще ли **зли и лукавы** бывают, то болшее **зло наводитъ Богъ** на землю ту, понеже глава есть земли <...>. Тако бо Исая рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людей <...> Сяковыя Богъ даетъ за грѣхы» [7, с. 154]. Таким образом, формируется восприятие любой власти, которая может быть расценена как награда за праведное поведение или, наоборот, как наказание за грехи народа: народ достоин своего князя, каков народ, таков и князь. М.П. Погодин в связи с этим утверждал: «...вся Русская земля считалась общим владением княжеского рода, на которое они все сознавали свое право» [15, с. 353].

Именно с православием связана традиция сакрализации власти и властителей, переросшая впоследствии в формулу «царь – наместник Бога на земле». Такие представления о власти выделяют Россию среди прочих христианских стран. Известным является тот факт, что практика канонизации князей и княгинь появилась еще до эпохи Ивана Грозного. При этом наблюдается существенное различие с духовной «матерью» русской православной церкви – греческой церковью. Греческая православная церковь не причисляла к лику святых мирских людей независимо от их положения в обществе – такой чести удостоивались страстотерпцы, аскеты или особо почитаемые народом священнослужители. Канонизация русских князей не подпадает ни под одно из этих оснований. В русской культуре этого периода основанием для причисления князя к лику святых являлось покорное и кроткое принятие насильственной смерти. Первыми князьями, канонизированными православной церковью, стали Борис и Глеб, которых отнесли к разряду страстотерпцев. В «Повести временных лет» наиболее частыми для них являются определения *блаженные, богомудрые, святые страстотерпцы*. Именно принятие мученической смерти позволяет причислить князя к лику святых. Таким образом, в русском национальном сознании почтение к князю после смерти вне зависимости от его деяний в земной жизни постепенно приобретает ценностный статус.

В «Поучении» Владимира Мономаха наиболее детально рассматривается образ идеального князя – в первую очередь христианского правителя, наделенного всеми православными добродетелями, поскольку сам жанр поучения предполагает передачу нравственных ориентиров, наставлений, в данном случае для потомков Владимира Мономаха. Данный жанр рассматривает жизненный путь как путь служения людям и Богу. Начинается поучение с характерного приема самоуничижения: князь употребляет в отношении себя прилагательное *худой*, в отношении деда – Ярослава – *благословенный*, что является обоснованием восхождения Мономаха на Киевский престол. Несмотря на то, что «Поучение» ближе к публицистическому жанру, тем не менее, особенно

в первой части (нравственно-религиозной), посвященной идеальному христианскому образу князя, оно носит нравственно-дидактический характер, основанный на соблюдении христианских заповедей:

- праведный князь имеет в душе «страх божий»: *«Первое, Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру»* [7, с. 392];
- князю не следует произносить имени Господа Бога напрасно: *«Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоеже»* [7, с. 398];
- недопустимой для князя Владимир считал лень: *«А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость Божью»* [7, с. 396];
- Владимир Мономах просит заботиться об убогих, по возможности подавать милостыню нуждающимся и кормить сирот; требует князь и самостоятельного производства суда, но при этом наставляет быть милосердным к другим: *«Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убиту его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестыяны»* [7, с. 398];
- князь должен избегать греха и учить детей не нарушать священных заповедей: *«Лжѣ блюди ся и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ»* [7, с. 400].

Поступки князя славят его по всемъ землям, а какая эта слава будет, зависит от самого князя: *«Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гостя, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ – брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ любю добрымъ, любю злымъ»* [там же]. В жизни и во все делах всегда нужно помнить о Боге, поскольку человек смертен и во многом должен себя ограничивать, быть примером: *«Научися, вѣрный челоуѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ – не мьсти, ненавижимъ – любя, гонимъ – терпя, хулимъ – моля, умертви грѣхъ»* [7, с. 396].

Таким образом, древнерусский князь предстает своего рода сакральной, священной личностью, готовой принести в жертву личные интересы ради общего блага. Обращаясь к Олегу Святославовичу, Мономах пишет: *«... нѣсмъ ти ворожитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови*

твоя видѣти у Стародуба <...> но добра хощу братьи и Русьскѣй земли» [7, с. 412].

Только праведный князь, получивший власть от своих родовитых предков, может принести благо земле, на которой он княжит. В «Поучении» Мономаха можно увидеть еще один образ князя, который канонизируется церковью, – князя-воителя, наделенного самоотверженной любовью к народу, русской земле и готового пожертвовать своей жизнью за своих собратьев.

Идея сильной княжеской власти нашла свое отражение и в «Молении Даниила Заточника», адресованном переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу. Следует отметить, что несмотря на указание во многих памятниках древнерусской литературы имен князей, тем не менее, если говорить об «идеале» князя, то в данном случае мы будем иметь дело не с конкретной исторической личностью, а с собирательным образом князя-правителя. Так, в завершающих строках «Моления» представлена совокупность характеристик «идеального князя», данная в перечислении качеств прототипных персонажей, обладавших этими признаками:

*«Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александру,
Иосифъ разумъ, мудрость Соломону и хитрость Давидову.
И умножи, Господи, вся челоуѣкы под руку его
Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и вѣкъ».*
[8, с. 398].

В приведенной цитате идеальный князь представляет собой собирательный образ, созданный с помощью приема аллюзии – соотнесения качеств характера правителя с известными средневековому человеку героями, для которых эти свойства являлись отличительными, специфическими. Большинство из означенных персонажей являлись героями библейскими; исключением в данном перечне является отсылка к историческому деятелю – Александру Македонскому, который воспринимался как сакральная фигура и символ власти.

«Моление» представляет собой зарисовки нравов данной эпохи, сочетающие в себе и житейскую мудрость, и отсылки к Священному Писанию. В начале произведения автор восклицает: *«Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслехъ!»* В указанной цитате видно обращение и к дохристианской культуре, и к христианской. Автор уделяет внимание внешнему облику князя, в частности указывая на его привлекательность: *«...гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ»* [8, с. 392].

Интересным представляется также тот факт, что в данном произведении при создании образа князя сталкиваются образы восточнославянской мифологии и христианские символы: *«... не взирай на меня, господине,*

как волк на ягненка» [8, с. 388] (волк в восточнославянской мифологии соотносится со сферой нечистой силы, наделяется негативной символикой, характерной для всего чужого, «не своего», ягненок – один из важнейших христианских символов: беззащитный, бессловесный и терпеливый ягненок стал символом страдания); «*А зри на меня, как **мать на младенца***» [там же]. Образ матери во многих мировых культурах является символом жизни, святости, вечности, тепла и любви, здесь он, особенно включенный в сравнительный оборот «*как мать на младенца*», отсылает к Богородице:

Показательны для содержательного наполнения образа князя контексты, соотносящие его с образом отца: «*Ведь щедрый князь – **отец** всем слугам своим; Многие оставляют **отца** и мать и к нему приходят*» [8, с. 392]. Важно подчеркнуть здесь, что связь этих образов наглядно и регулярно представлена как в «Молении», так и в целом в древнерусской литературе, а в более поздних произведениях перейдет в устойчивое сочетание *царь-батюшка*. Согласно историческим словарям, лексема *отец* имеет широкий спектр значений: «родоначальник, предок», «по религиозным представлениям христиан бог-как творец, создатель всего сущего, а также его первое лицо или первая ипостась святой троицы», «почетное имя духовных особ», «духовник, исповедник», «старший, главный, почитаемый, подобный отцу», [13, вып. 13, с. 236; 14, т. 2, с. 828] Таким образом, слово *отец*, используемое при номинации князя, объединяет две ипостаси, духовную и мирскую; князь несет ответственность за свой народ перед Богом, выполняя роль посредника между мирской и духовной властью.

Интересным представляется прием стилистической симметрии в уподоблении князя и его правления с дубом и его корнями:

*«А дубъ крѣпится множеством кореня;
Тако и градъ нашъ – твоею дръжавою»* [8, с. 392].

Как в славянской мифологии дуб – универсальный архетип, мировое древо, объединяющее все сферы мироздания, так и князю отводится структурообразующее начало, удерживающее «державу»; следует отметить, что, согласно русскому этимологическому словарю, слово *дуб* имело несколько значений: «власть», «сила», «господство» [9, с. 547]. Таким образом, князь выполняет священную роль на земле, которой он правит.

Помимо соединения мифологических образов с церковнославянскими символами, интересным представляется и само построение данного произведения. В основу создания идеального образа князя положен принцип антитезы:

1. Щедръ / скупъ:

*«Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многим...
<...>*

*А князь скупъ – аки рѣка въ брезѣхъ, а брези камены:
Нѣлзи пити, ни коня напоити»* [8, с. 392].

Яркими чертами образа князя-правителя, представленного в «Молении», являются противопоставляемые щедрость и скупость: автор использует яркие сравнения князя не только с рекой.

*«А бояринъ щедръ — аки кладязъ сладокъ при пути:
Напаяетъ мимоходящихъ.*

А бояринъ скупъ — аки кладязъ сланъ».

Щедрость ассоциируется с пресной водой, а скупость – с соленой: одна дает жизнь, в другой жизни нет. Автор опирается при этом и на христианские заповеди, обосновывающие щедрость души человеческой.

Оппозиция (антитеза) *множество злата – множество воя / злато – мужи* раскрывает сущность богатства в понимании автора «Моления». Князю следует подносить подаяние неимущим, не скрывать золото и серебро, а раздавать людям; по мнению автора, чем больше князь отдает, тем больше верных воинов будет у него, тем лучше он сможет защитить свою землю:

*«Нашъ царъ богатѣй тебе не множеством злата, но
множеством воя,
Зане мужи злата добудутъ, а златом мужей не добы-
ти»* [там же, с. 393].

2. Добръ / золь

*«Доброму бо господину служа, дослужится слободы,
А злу господину служа, дослужится болшей роботы»* [там же, с. 392].

Следует отметить, что значения данных слов были несколько шире, чем в современном русском языке. Согласно «Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)», слово *добрый* имело следующие значения: «основанный на расположении к кому-либо», «добродетельный», «обладающий положительными качествами, уважаемый, благородный», «ничем не запятнанный» [11, с. 18]. Качественное прилагательное *злой* имело те же значения, что и в современном русском языке: «недоброжелательный, враждебный», «причиняющий боль», «приносящий бедствия» [там же, с. 427]. Таким образом, понятия *добрый князь* и *злой князь* имеют значение не качества человека обычного (этические), а качества правителя (социальные).

Таким образом, уже в ранних памятниках древнерусской литературы закладываются основы образа идеального носителя (субъекта) власти. Специфика русского восприятия – соединение языческого и христианского начал, нашедшее свое отражение в мифологических и православных образах. Кроме того, особое значение придается не столько исторической конкретной личности, сколько собирательному образу, объединяющему

в себе наиболее востребованные для определенного исторического этапа черты. Можно предположить, что древнерусские книжники предпринимали попытки создания идеального конструкта для формирования образа правителя, в частности наделяя князя священной

миссией. В более поздних текстах идея государственной власти получит дальнейшее развитие и будет оформлена как концепция священной миссии царской власти, где царь будет ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за всякого человека в его царстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2. изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
5. Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
6. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1978. 413 с.
8. Памятники литературы Древней Руси: XII век. / вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Т. 1: А–Д. М.: Прогресс, 1986. Т. 1: А–Д. 576 с.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов; Ин-т рус. яз. РАН. Т. II (възлукати – добродѣтельникъ). М.: Рус. яз., 1989. 494 с.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов; Ин-т рус. яз. РАН. Т. III (добродѣтельно – изгечеи). М.: Рус. яз., 1990. 551 с.
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. И.С. Улуканов. Ин-т рус. яз. РАН. Т. VI (овадь–покласти). М.: Рус. яз., 2000. 608 с.
13. Словарь русского языка X–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова; Ин-т рус. языка АН СССР. М.: Наука: Вып. 2 (В – Волога). 1975. 319 с. Вып. 13 (Опась – Отработывати). 1987. 316 с.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Изд. отделения рус. яз. и словесности императорской акад. наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912: Т. 2. (Л–П). 919 с. Т. 3 (Р–Т и дополнения). 996 с.
15. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 т. М.: Университетская тип., 1850. Т. 4. 463 с.
16. Библийская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/57> (дата обращения: 20.12.2022).

© Рогожникова Татьяна Павловна (pmtr@mail.ru), Попова Оксана Вячеславовна (pauka@omga.su).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»